

КАРТА ОКРЕСТНОСТЕЙ НЕРЧИНСКОГО ЗАВОДА – ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ КАРТА ГЕОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Самая ранняя российская рукописная литолого-петрографическая «Карта окрестностей Нерчинского завода (1789–1794 гг.)» обнаружена в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда в 1925 г., но до сих пор была недоступна для исследователей. Статья знакомит с историей карты, её составителями, методикой картирования и назначением, с возможными авторами новаторской для того времени идеи отображения цветом вещественного состава пород.

Ключевые слова: *геологическая карта, Барбот де Марни, Нерчинский завод, Забайкалье, история геологии.*

The earliest Russian manuscript lithologic-petrographic «Map of the Nerchinsk mining plant neighbourhoods (1789–1794)» was found in the Central State Historical Archive, Leningrad in 1925. Until now it has been not available for study. The paper considers the map history, mapping methodology, who and why conceived and compiled it, as well as the possible authors of the idea to show rock composition by colors.

Keywords: *Geological Map, Barboth de Marny, Nerchinsk mining plant, Transbaikalia, history of geology.*

Первое знакомство. Самая ранняя из ныне существующих российских специализированных карт геологического содержания – рукописная литолого-петрографическая карта территории Нерчинских горных заводов в Восточном Забайкалье (1789–1794 гг.) – известна в литературе как «Карта Дорофея Лебедева и Михаила Иванова». Пять оригинальных листов и два листа копий этой карты обнаружены геологом Е. А. Пресняковым в 1925 г. среди документов Императорского Кабинета в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда (РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург).

Е. А. Пресняков в небольшой заметке описал особенности графического отображения информации, своеобразии легенды, охват территории листами карты, составил схему размещения листов [12]. Сравнив данные карты с результатами геологической съемки 1926 г., он отметил, что «карта своей достоверностью выгодно отличается от более поздних компилятивных сводных карт XIX века А. Д. Озерского, 1853; М. Герасимова, 1874; Н. С. Боголюбского, 1875, и др.».

Е. А. Пресняков не смог выяснить, «кто были эти пионеры геологии в далекой Даурии, по чьему поручению и по каким заданиям они работали». Он предположил, что в создании первой в России геологической карты в самом удаленном от российских столиц горном округе важную роль сыграл Е. Е. Барбот де Марни – в 1787–1796 гг. начальник Нерчинского горного округа, и что создание карты входило в «широко задуманный план изучения округа». Автор заметки посетовал, что столь ценный материал, «опередивший все дальнейшие попытки, смог сто лет пролежать безызвестно в архиве» [12].

Заметка Е. А. Преснякова была отмечена и пересказана в известных библиографических справочниках В. А. Обручева [11] и А. В. Хабакова [22].

После этого отсылки к «Первой российской геологической карте Лебедева–Иванова» появляются во многих работах, посвященных истории геологии и особенно истории развития геологической картографии в России (В. А. Апродов, 1952; Ф. Д. Бублейников, 1956; Д. И. Гордеев, 1964; История геологической картографии, 1982; Три века геологической картографии России, 2000; В. М. Асосков, Н. Н. Чабан, 2000; Г. А. Юргенсон, О. В. Кононов, 2014, и др.).

Не все авторы упоминали работу Е. А. Преснякова, хотя она была единственным источником информации о существовании карты. Попытки осмысления и анализа этой информации без использования первоисточника привели к необоснованным предположениям и неверным выводам, нередко переходившим из одной публикации в другую.

В 1990 г. в Чите была проведена конференция, посвященная двухсотлетию первой российской геологической карты. Материалы конференции не были опубликованы, однако, по нашим сведениям, карта там не демонстрировалась. Таким образом, саму карту, кроме Е. А. Преснякова, никто не видел.

Е. Ф. Бурштейн [2] – автор последней по времени и наиболее обстоятельной публикации – также не смог ознакомиться с картой, поскольку в 2005–2010 гг. фонды были недоступны из-за переезда РГИА в новое здание. Основываясь на тексте заметки Преснякова и материалах забайкальских краеведов, Бурштейн всесторонне и обстоятельно проанализировал данные о руководстве Нерчинских заводов в конце XVIII в., о возможностях подготовки квалифицированных кадров для проведения геологической съемки и предполагаемых методах работы. Кроме того, он собрал и обобщил разрозненные сведения о жизни, деятельности и научных связях Е. Е. Барбота де Марни, показал его энтузиазм и энергию при управлении заводами,

а также осветил его деятельность как минералога, горного инженера и переводчика естественнонаучной литературы.

Процесс составления карты Е. Ф. Бурштейн попытался рассматривать с позиций современного геолога, поэтому часть вопросов, поставленных им (например, о градусной сетке, определении контуров тел, сбивании геологических границ по рамкам листов), оказалась неактуальной. Вопросы авторства, завершенности, использования карты, методики ее составления и квалификации составителей, кем и для чего она была задумана (кто был заказчик, выражаясь современным языком) могут быть решены лишь с привлечением новой информации, и прежде всего при знакомстве с самой картой.

Поиски в архивах. В 2010 г. переезд РГИА завершился, материалы стали доступны для исследования. Однако поиски карты в архиве Кабинета оказались делом весьма трудоемким и запутанным. В 1950-х годах изменилась система учета. Нумерация архивных дел и документов, указанная Пресняковым, утратила значение. Первоначальный поиск, предпринятый автором статьи, результата не принес.

Архив Кабинета (Фонд 458) содержит сотни дел и несколько тысяч документов. Приходится просматривать десятки страниц сканированных копий машинописных или рукописных инвентарных книг, при этом название не всегда полностью отражает характер всех документов дела. Встречаются дела с похожими названиями, поэтому основным критерием поиска служит временной интервал создания документа.

В то же время в каталоге картографических материалов архива Геологического комитета мы обнаружили «*Карты окрестностей Нерчинского завода 1789–1797 г.*» [14]. Это оказалась искомая карта, однако не тот экземпляр, который описан Пресняковым. Найденный вариант в целом соответствует описанию, но состоит из шести листов. К нашему удивлению, на картах стоят штампы Библиотеки Геологического комитета и Всесоюзной геологической библиотеки. Теперь, зная точное название документа, довольно просто отыскать и в делах Кабинета тот самый «экземпляр Преснякова» из семи листов, в том числе два листа копий [15].

Более того. Случайно попавшаяся на глаза небольшая заметка в старом журнале помогла обнаружить еще один экземпляр той же карты (но только четыре листа). Она хранится в коллекции картографических материалов академика И. Ф. Германа (1755–1815) в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук [4, 19].

В той же коллекции И. Ф. Германа хранится «*Землемерический журнал 1789–1794 гг.*» [8, 20] — журнал полевых наблюдений при съемке местности, результатом которой и стала искомая карта.

Таким образом, загадочная «Геологическая карта Дорофея Лебедева и Михаила Иванова», на которую часто ссылались, но которую никто не видел более 80 лет, обнаружена нами сразу в трех экземплярах, к тому же в сопровождении журнала полевых наблюдений.

Что можно увидеть на карте? Карта охватывает территорию в 43 000 квадратных верст (более 49 тыс. км²) к западу и северо-западу от границы с Китаем, ограниченную долинами рек Аргунь, Урюмкан, Талангуй. Западная граница области

Рис. 1. Схема расположения и даты создания листов «Карты окрестностей Нерчинского завода (1789–1794)»

приблизительно соответствует линии Транссибирской железной дороги между станциями Шерловая Гора — Даурия — Забайкальск (рис. 1).

Карта вычерчена на 6 листах большого формата в масштабе 5 верст в вершке (приблизительно 1 : 120 000). Листы состоят из нескольких склеенных стандартных кусков бумаги с водяными знаками, имеют разные размеры в зависимости от охваченной территории, различно ориентированы и неравноценны по содержанию. Каждый лист оформлен как самостоятельный документ: заголовок, легенда, подпись автора (листы I–VI, таблица).

Оригинальный заголовок «*План дистанции снятой в 1789^м году окрестности Нерчинского завода*» обозначен на первом листе (1789 г.), на остальных — однотипные заголовки, характеризующие временные и пространственные рамки создания каждого листа (рис. 2). В содержании и оформлении различных экземпляров каждого листа имеются расхождения, вероятно, образовавшиеся при копировании, разбор которых требует специальных исследований, но они не входят в задачу настоящей работы.

В качестве элементов оформления присутствуют название, стрелка, указывающая стороны света, подписи авторов («*Сочинял и чертил унтер-шихтмейстер Михайло Иванов*»), линейный масштаб, условные обозначения. Градусная сеть и какие-либо указания на определение координат отсутствуют как на карте, так и в полевом журнале. Рамка представляет собой двоянную жирную черную линию.

Топографическая основа содержит подробную гидросеть, рельеф, показанный гашурой (продольными штрихами), а также дороги, населенные пункты, в том числе казачьи пикеты и горные заводы. Вершины гор не отмечены. Территории, покрытые лесом, показаны условным знаком деревьев (рис. 3).

Территория, покрытая листами Карты окрестностей Нерчинского завода

Номер листа	Год выпуска	Закартированная территория	Размер листа, см	Площадь съемки, км ²
1	1789	Правые притоки р. Аргунь от р. Ишага до р. Урулюнгуи	134 × 78	5100
2	1790	Междуречье рек Талангуи, Унда, Тайна, Уров, Урулюнгуи, Борзя (выше пос. Чиндант)	178 × 118	16 350
3	1791	Междуречье рек Аргунь и Урулюнгуи, включая падь Урулюнгуи	143 × 88	13 000
4	1792	Долина р. Уров от устья до р. Листвянка и междуречье Уров – Аргунь до р. Ишага	158 × 53	5900
5	1793	Южный склон долин рек Урюмкан и Тайна, от р. Аргунь до дер. Тайнинская	186 × 63,5	5250
6	1794	Северный склон долин рек Урюмкан и Тайна, от р. Аргунь до р. Газимур	192 × 52	3550

Рис. 2. Элементы оформления листов карты: заголовки 1-, 2- и 6-го листов; подписи Алексея Чередова, Михаила Иванова и Дорофея Лебедева; указатели ориентировки листов карты

1. Лист I. 1789 г. Алексей Чередов
2. Лист II. 1790 г. Михаил Иванов
3. Лист III. 1791 г. Михаил Иванов
4. Лист IV. 1792 г. Михаил Иванов
5. Лист V. 1793 г. Михаил Иванов
6. Лист VI. 1794 г. Михаил Иванов

1

2

6

3

4

5

Рис. 3. Фрагмент первого листа карты. Район Нерчинского завода [14]

Красками обозначены (рис. 4) площади выходов главных типов горных пород: розовым – гранит (магматические породы от гранитов до диоритов, расшифровка по Преснякову) [12]; красным – известковый камень (известняки); бледно-желтым – горништейн (измененные известняки, скарны, роговики); серым – шифер (сланцы всех видов); желтовато-коричневым – песчаный камень (песчаники и туфы); зеленым – траппы (базальты, риолиты, кварцевые порфиры); глины и траппы (глинистые сланцы, туфы и эффузивы на листе 1); синим – гнейс (метаморфизованные породы, в основном палеозой); дикокаменная брекчия (конгломераты с галькой гранита, аплита, кварца, кварцита) показана крапом. На втором листе карты присутствует порода, обозначенная как «серовик». Такое название не имеет современных аналогов, можно предположить, что имеется в виду граувакка. Специальными знаками отмечены жилы порфира, разные типы ручьев (ключи, теряющие свое течение; ключи, не имеющие течения, и др.), рудники, прииски, соленые озера. Границы между типами пород резкие (смена краски), но линии границы не проведены; русловые участки долин не окрашены.

Для уточнения площадей распространения горных пород поверх цвета основной разновидности наложен знак другой породы. В журнале полевых наблюдений взаимоотношения пород описываются следующим образом: «камень песчаный с надвигом траппа», «камень орлец, смешанный с известкой», «гранитовые с надвигом гнейсовых камней горы». Знаки (индексы) второстепенных пород представляют собой простые геометрические фигуры (треугольник, ромб, круг и т. п., усложненные штрихами, завитками и т. д.). По рисовке они сложнее, чем индексы, использованные на карте Й. Шарпентье [26].

На большинстве листов имеются подписи Михаила Иванова или Дорофея Лебедева. Только на одном экземпляре первого листа (1789) указано:

«Чертил унтер-шихтмейстер Алексей Чередов» (рис. 2). На листах 1792–1794 гг. присутствуют подписи только Михаила Иванова. Унтер-шихтмейстер – первый, самый нижний чин в таблице о рангах для горного ведомства соответствовал унтер-офицеру. Однако это был «человек, знающий частью горнокаменные породы, черчение планов и письменоводство» [1].

Первый лист карты, составленный в 1789 г., охватывает район Нерчинского завода (центр горного округа) и окружающие его рудники и горные заводы (Зерентуйский, Кадаинский, Кутомарский и др.), т. е. зону, наиболее интересную с точки зрения поисков руды. Второй лист (1790) самый большой, покрывает район с рудниками и заводами (Газимурский завод, Тайнинский, Илдикийский и другие рудники, медные прииски и т. д.), кроме того, он самый населенный: многочисленные деревни расположены по берегам р. Газимур и ее притоков. Южная, степная часть территории показана на третьем листе (1791). Здесь отсутствуют леса и населенные пункты, много исчезающих водотоков и бессточных соленых озер. Расположение государственной границы к моменту съемки еще не везде определено (часть границы обозначена прямой линией, по линейке).

Остальные листы карты менее информативны. Они покрывают относительно небольшую территорию (долину реки или только один склон долины), на которой практически отсутствуют горнорудные предприятия. Почти вся территория покрыта лесом, т. е. богата ресурсами топлива. Два последних листа (1793 и 1794) охватывают совершенно безлюдную территорию, бедную и в геологическом отношении (на карте только четыре условных знака горных пород, тогда как на других листах их семь-девять).

Методика картирования. Находка в архиве Академии наук полевого журнала съемочной партии позволяет составить впечатление о методах съемочных работ. Конечно, геологической съемки в совре-

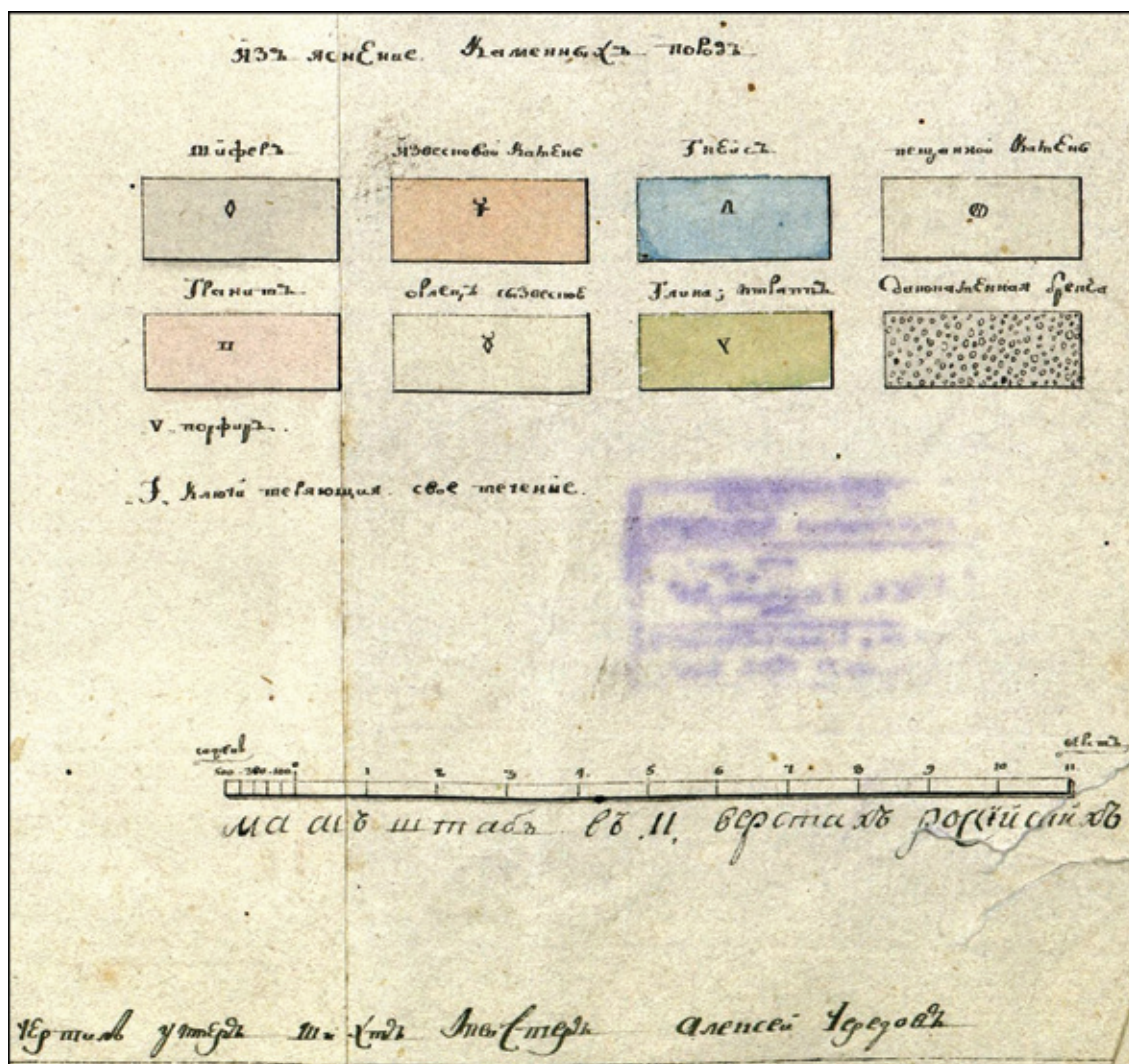

Рис. 4. Легенда и оформление первого листа: «Изъяснение Каменных пород», линейный масштаб, подпись автора. Виден отпечаток штампа Центральной геологической библиотеки [14]

менном понимании тогда не проводилось и не могло проводиться. Создатели карты не прослеживали контактов, не изучали разрезы, не выясняли последовательности образования пород и их генетических связей. В конце XVIII в. еще не были разработаны способы определения возраста отложений.

Полевые работы выполнялись, как это видно из полевого журнала, двумя отрядами с мая или июня по сентябрь с использованием лошадей, буссоли и, вероятно, мерной ленты. Отряды двигались по долинам рек или падей, в журнале отмечались направление движения (румбы) и пройденное расстояние. Точки наблюдения (пункты) фиксировали смену направления движения. В описании приведены данные о пройденном пути, характере и высоте окружающих гор, наличии и составе леса, обнажающихся горных породах (рис. 5). Каждые 4–5 дней делали остановки «Для отдыха лошадей, и на карту наносил» [20].

Фамилии или подписи в журнале отсутствуют. Можно предположить, что полевые и камеральные работы выполняли одни и те же лица, унтершхтмейстеры А. Чередов, Д. Лебедев, М. Иванов и, возможно, другие. По мнению Е. Бурштейна [2], подготовить их мог сам Барбот де Марни, либо это происходило в организованных им

школах. Но достоверных сведений об этом нет. Возможно, в будущем удастся проследить их дальнейшую судьбу по архивным документам. Так, фамилия геодезиста Лебедева уже обнаружена в документах, не связанных с созданием карты [23].

Новаторское для России решение показать цветом вещественный состав горных пород, выходящих на поверхность, не могло исходить от технических исполнителей. Ведь даже следующие по времени петрографические карты, составленные в 1798–1804 г. также для районов казенных горных предприятий или путей транспортировки добытого металла, оказались более примитивными в смысле изображения геологии, поскольку были результатом не площадной съемки, а маршрутной, тогда как географическая нагрузка и оформление у них усилены (градусная сеть, картуш, рамка и т. д.) [6, 16, 17].

Для топографической основы карты, вероятно, использована глазомерная съемка одновременно с геологической съемкой, как это и предполагал Е. А. Пресняков. Об этом можно судить по характеру изображения рек: реальные изменения направления или коленообразные изгибы русла не отражены, поэтому кажется маловероятным предположение Е. Ф. Бурштейна об уточнении уже имеющейся географической карты.

Землемерический журнал - 1789го года

Мѣсяцъ числа	Время	Пространствъ	Смерю	Верста	Сажень	Издѣленіе горныхъ породъ и промѣръ.
Юня 1.			кателъ меретъ иогисыва отъясая рѣки Ишана коя стала Устисель вѣтвѣ			
Мѣсяцъ числа	Время	Пространствъ	Смерю	Верста	Сажень	Издѣленіе горныхъ породъ и промѣръ.
	мъ 9,00	Дощи дощадъ большахъ кра вкоя и пашли проомъ — 2		190		Западкомъ основнахъ поверхнѣ и рѣдъ отъ Утвѣ падъ кра вкоя поверхнѣхъ и рѣдъ кра вкояхъ протихвѣхъ падъ Семноути фугировою на мѣрѣ протихвѣхъ самахъ утѣхъ Семноути Главоудъ-пуртѣ аврѣхъ проому и рѣдъ Итактоввѣхъ на мѣрѣ
	но 10,00	Привершинѣ окоя двѣ рѣки 2 Шибѣ первая изъ горныхъ и Уровнихъ вторая и падъ Семноути,		200		
II		Счетъ падъ Семноути пашли проомъ Сурѣхъ				Корѣ пловова ставилъ и возвышилъ абѣмъ до вѣ сажѣхъ прирѣчѣхъ мѣрѣ ми веревъ авѣхъ Ишана и мѣрѣхъ авѣхъ по Калика Устисель.
	мъ 19,30	Пашли Счетъ кадрѣхъ про сому 1 верста 4 во сажѣхъ				
	24,30	Першѣхъ на мѣрѣхъ сторону вѣтѣхъ отъ падѣхъ 187 сажѣхъ 260 сажѣхъ, Главоудъ отъ падѣхъ 2 мѣ 7600 2 верстахъ 150 сажѣхъ		190		

Рис. 5. Фрагменты «Землемерического журнала» [20]

Откуда появилось несколько экземпляров рукописной карты и что можно сказать об этом? Составление карт «горнорудных районов» (в современной терминологии) именно в трех экземплярах предусмотрено в одном из первых нормативных документов по горному делу в «Заводском уставе» В. Татищева 1734 г. [21]. Первый экземпляр предназначен для Главной Канцелярии в Санкт-Петербурге, второй направлялся в Санкт-Петербургскую Академию наук, третий, последний, оставался у автора. Таким образом, первый экземпляр оказался в делах Императорского Кабинета, второй сохранился в Академии наук, в архиве И. Ф. Германа, собравшего множество материалов, в том числе картографических, для описания сибирских рудников и заводов [3, 4].

Можно предположить, что третий экземпляр карты, «авторский», мог храниться в семье Барбота де Марни и был приобретен Геологическим коми-

тетом в 1883 г. из книжного собрания сотрудника комитета Николая Павловича Барбота де Марни (1829–1877). К сожалению, это пока не подтверждено документально, поскольку учетные документы Библиотеки Геологического комитета частично утрачены. В 1973 г. все рукописные материалы из Всесоюзной геологической библиотеки (Библиотеки Геологического комитета) были переданы в Центральный государственный исторический архив Ленинграда, где нам и удалось обнаружить карту (рис. 6).

Кто придумал карту? При знакомстве с картой возникает множество вопросов, ответы на которые требуют дополнительных исследований, иногда весьма далеких от геологии. Самый главный вопрос — как и кому пришла в голову мысль показывать цветом на карте состав пород. Ведь до этого никто ничего подобного в России не делал. И почему эта идея была реализована в месте, на

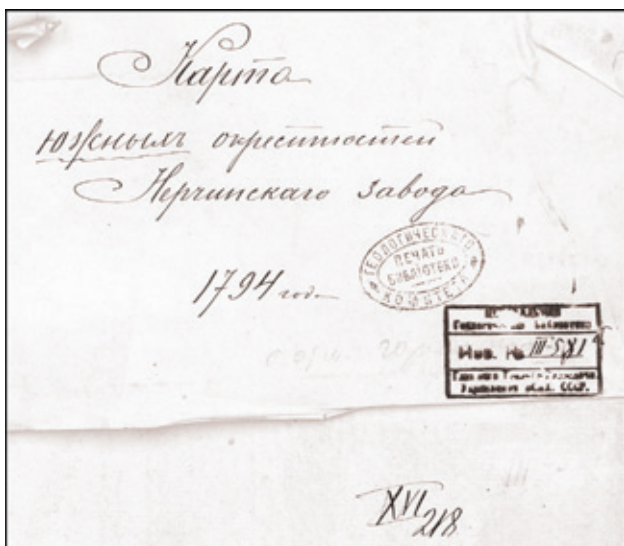

Рис. 6. Штампы и учетные номера Библиотеки Геологического комитета и Центральной геологической библиотеки на оборотной стороне карты [14]

несколько тысяч километров удаленном от научных и промышленных центров? И кого считать автором карты?

Нерчинские свинцово-серебряные рудники находились в казенном ведении. Добываемое серебро использовалось для печатания монет, правительство было заинтересовано в увеличении добычи и производства серебра. Поэтому Нерчинские горные заводы не были забытым медвежьим углом, сюда направлялись достаточно мощные научные и производственные силы и финансовые потоки. Присылали сильных управляющих, однако в условиях почти абсолютной власти и при отсутствии контроля их нередко губили традиционные российские беды – пьянство и самодурство [7, 9].

Нерчинские заводы посещали все официальные путешественники, прибывавшие в Восточную Сибирь, в том числе академики И. Г. Георги и П. С. Паллас (в 1772 г.). Не обошли вниманием эти места и фигуры менее известные, но не менее образованные, такие как Александр Карамышев, в 1780–1781 г. ненадолго назначенный начальником Нерчинских заводов, или Эрик Лаксман, бывший финский пастор, увлеченный минералог, в 1781 г. состоявший горным советником при начальнике Нерчинских заводов. Любой из них мог быть инициатором составления такой карты, образцом для которой, вероятно, послужили немецкие карты 1770–1780-х годов [33].

Попробуем представить, кто из перечисленных исследователей мог первым предложить идею создания собственно литолого-петрографической карты.

Егор Егорович Барбот де Марни (1743–1796) несомненно был непосредственным организатором и руководителем картирования, как это и предположил Е. А. Пресняков [12]. Сведения о его жизни скудны и неточны. Лишь в последние годы историки стали проявлять интерес к его деятельности. Изучение документов в архивах Читинской области, предпринятое А. Мясниковым [9, 10], открывает нам яркую, неординарную личность, в которой, как и во многих выдающихся деятелях XVIII в., уживались, казалось бы, малосовместимые черты: пытливость и любознательность ученого и жест-

кость администратора, доходившая до жестокости; расчетливость политика и непосредственность энтузиаста-краеведа.

Его отец, французский дворянин Жорж (Георг) Барбот де Марни (1717–1784), приехал в Россию в первой половине XVIII в. (но вряд ли при Петре I, как указывает большинство биографических изданий), служил комендантом крепостей Фридрихсгамн (ныне Хамина) и Лаппеенранта (оба города входили тогда в Выборгскую губернию, ныне Финляндия), позже Выборгской крепости (ныне Ленинградская область), был трижды женат и имел девятерых детей. В 1776 г. вышел на пенсию, умер в Оренбурге [27].

Егор Егорович в 1751 г. был зачислен в армию, в 1767 г. – в Императорский сухопутный шляхетский корпус в Санкт-Петербурге, но не известно, кадетом или преподавателем. С 1771 г. его судьба связана с Нерчинским горным округом. Сначала он служил в горном батальоне (охрана рудников и заводов), затем непосредственно в администрации горного округа, а в 1788 г. указом Екатерины II назначен начальником Нерчинских горных заводов. В этой должности он и пробыл до конца жизни.

Е. Барбот де Марни остался в воспоминаниях современников как лучший из начальников [7]. За 7 лет руководства (1789–1796) им действительно много сделано и для совершенствования производственного процесса, и для улучшения быта работников и местных жителей: учрежден коллегиальный орган – Горный совет; основаны Петровский железный и Александровский серебряный заводы; построены новые корпуса Нерчинского завода; учреждена заводская химическая лаборатория для контроля качества продукции; организованы разведка и пробная отработка месторождений угля; поставлена задача сохранения лесов в окрестностях Нерчинского завода; заведен «казенный» табун лошадей; предложено использовать наемных рабочих, кроме приписных крестьян и ссыльно-каторжного контингента; назначено денежное пособие искалеченным и престарелым рудокопам; велась борьба с пьянством среди заводских рабочих; основаны заводские школы для мальчиков; организован минералогический кабинет – первый музей в Забайкалье; на основе собственного книжного собрания Барбот де Марни создал заводскую казенную библиотеку [10].

Кроме выполнения служебных обязанностей, он перевел книги по геологии и химии, например, статью Т. Бергмана об анализе минералов с помощью паяльной трубки, книгу К. Герхарда о рудных месторождениях [2]. Он изучал и описывал геологические особенности забайкальских гор и собрал большую минералогическую коллекцию (более двух тысяч образцов), в том числе из Западной Европы и Аляски [10]). Известно, что он состоял в переписке с академиками П. С. Палласом и И. Ф. Германом, профессором Московского университета И. Биндгеймом, присылал им различные минералогические диковины (например, аквамарины и турмалины Шерловой Горы и др.) или геологические описания Забайкалья с элементами геоморфологического (и даже отчасти тектонического!) анализа. Академики публиковали эти описания в форме писем – своих или автора [24, 25, 28, 29, 31, 32]. Использовал его материалы в своих работах и В. М. Севергин [18].

Даже по разрозненным сведениям, которые сегодня доступны, Е. Барбот де Марни предстает перед нами очень энергичным, целеустремленным, образованным администратором и горным начальником. Его руководство составлением карты подтверждается прямым указанием в письмах академику И. Ф. Герману [24, с. 346]. Однако мы не можем однозначно ответить на вопросы, он ли был инициатором создания карты и ему ли принадлежит идея показать цветом состав пород. Такая идея, вероятно, могла появиться только у человека, знакомого с европейской картографией, в частности, с очень похожей литолого-петрографической картой Саксонии, составленной Й. Шарпентье в 1788 г. [26, 33]. Эту карту иногда называют «первой цветной геогностической картой», она издана в виде вклейки в книгу и таким образом вполне смогла оказаться в достаточно богатой, как известно, библиотеке Е. Барбота де Марни. Возможно, ответ на этот вопрос удастся отыскать в архивах Читинской области.

Александр Матвеевич Карамышев (1744–1791) – натуралист, химик, член-корреспондент Петербургской АН. Он учился в Упсале у Карла Линнея, потом работал в Берг-коллегии, руководил рудником, преподавал в только что организованном Горном училище (будущий Петербургский горный институт) металлургию, пробирное дело, минералогию и химию, организовал и оборудовал химическую лабораторию, активно участвовал в переводческой и издательской деятельности, вел химико-минералогические исследования. В мае 1779 г. назначен директором Иркутской конторы Государственного банка России, организованной для распространения ассигнаций (бумажных денег). В 1780–1781 гг. был руководителем Нерчинских заводов: за это время открыл пять новых рудников, поднял производительность добычи серебра. До 1789 г. жил в Иркутске, после чего вернулся в Санкт-Петербург, служил в Горной Колывано-Воскресенской заводской экспедиции. Умер в Петербурге [13].

Несомненно, А. Карамышев мог видеть образцы немецких карт. И конечно, он был хорошо знаком с Е. Барботом де Марни. Будучи весьма неравнодушным и творческим исследователем, он вполне мог предложить идею создания подобных карт в России, но короткий период его практического руководства Нерчинскими заводами (полгода) не позволил ему самому ее реализовать.

Бенедикт Франц Иоганн Герман (Иван Филиппович, 1755–1815) – горный инженер, минералог, статистик, академик Петербургской АН по кафедре минералогии (1786), член Берг-коллегии, австриец по происхождению. Совершил несколько поездок по Уральским и Сибирским горнозаводским округам (1784–1796 и позже).

И. Ф. Герман активно проповедовал необходимость сбора и анализа статистических данных о состоянии горной промышленности, сам разрабатывал методы статистических исследований. Он собрал богатые коллекции руд и минералов, обширные материалы по истории горного дела, технологии металлургического производства, истории Пермских, Уфимских, Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов. Составил и издал детальное описание рудных богатств, природных и экономических условий горнозаводских округов Урала и Сибири, технико-экономическое описание ряда заводов [3, 29].

У нас нет достоверных сведений, посещал ли И. Ф. Герман Нерчинские заводы во время своих путешествий и был ли лично знаком с Е. Барботом де Марни. Но на это могут указывать их активная переписка, подробные описания Нерчинских рудников и заводов в фундаментальных трудах И. Германа [3, 29], множество примеров различных рабочих и жизненных ситуаций, критика нерадивости и бесхозяйственности «прежних» управляющих разных уровней. А неизменный интерес академика к картографическим и статистическим материалам вполне может свидетельствовать о том, что именно ему принадлежала идея использования цвета для отражения на карте состава пород. Впрочем, это опять только версия.

Эрик Густав Лаксман (Кирилл Григорьевич, 1737–1796) – русский естествоиспытатель и путешественник, академик Петербургской АН. Родился в Финляндии, окончил богословскую гимназию. С 1764 г. служил пастором Колывано-Воскресенских заводов в Барнауле. Проводил обширные исследования по ботанике, зоологии, энтомологии, метеорологии, минералогии и химии, за четыре года служения объездил Алтай и Забайкалье от Томска и Бийска до Нерчинска и Кяхты. Покоренный сибирской природой, он отказался от религиозной деятельности в пользу естественнонаучных исследований. В 1769 г. его избирают членом Вольного экономического общества и ординарным академиком по кафедре экономии и химии Петербургской АН, а также действительным членом Стокгольмской АН, вторым из российских ученых после М. В. Ломоносова [11].

Дальнейшая жизнь его связана с минералогией, ботаникой и горным делом. В 1770–1781 гг. он проводил географические, геологические и экономические исследования в Финляндии и Олонецком крае, Поволжье, Молдавии и Бессарабии, на Валдае и по берегам Ладожского, Онежского и Ильменского озер. В 1781 г. Э. Лаксман был назначен горным советником начальника Нерчинских горных заводов, но через некоторое время стал нерчинским исправником. В 1784 г. получил должность «путешественника по минералогии» и до конца жизни занимался сбором и изучением минералов, ботаникой, метеорологией, химическими экспериментами, совершал поездки в различные уголки Сибири. Умер в пути, направляясь в экспедицию в Бухару.

В его творческом наследии участие в создании Иркутского естественного музея – одного из первых в российской провинции; открытие стекольного завода (совместно с купцом А. А. Барановым, будущим правителем Русской Америки), работающего на основе разработанной им совершенно новой технологии использования глауберовой соли вместо поташа; организация первой русской экспедиции в Японию, которой руководил его сын Адам; первое систематическое исследование насекомых России; открытие нескольких новых видов растений и насекомых; наконец, открытие прибайкальского лазурита [5].

Составление «Карты окрестностей Нерчинского завода» было предпринято в целях поиска новых и инвентаризации известных сырьевых и энергетических ресурсов (руда, лес, реки, озера). Заказчиком работ фактически выступил Кабинет Его

Императорского Величества (собственник Нерчинских заводов), даже если формально такого заказа не было. Нерчинские горные заводы и рудники были переданы в собственность Кабинета в 1786 г., после чего, по-видимому, встал вопрос об увеличении производства серебра и попутного свинца (для нужд Кольвано-Воскресенских заводов). Составление карты в данном случае можно рассматривать как метод систематизации и инвентаризации сырьевых и энергетических, а возможно, и человеческих ресурсов территории. Конкретным инициатором составления карты мог быть как сам Е. Барбот де Марни, так и окружавшие его исследователи или чиновники Кабинета. Но вот идея изображать цветом вещественный состав пород, т. е. впервые в России составить литолого-петрографическую карту, по нашему мнению, могла исходить от академика И. Ф. Германа — любителя и ценителя всяческих сводных информационных материалов (в том числе карт), столичного жителя, знатока европейской науки, которому вполне мог быть знаком опыт немецких картографов.

Множество вопросов по поводу происхождения карты и деятельности связанных с ней личностей по-прежнему не имеет однозначного ответа. Дополнительная информация, которая могла бы пролить свет на решение этих вопросов, возможно, ждет своего часа в архивах центральной и местных администраций и архивах Горного округа.

1. Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской Империи. — М.: Русский путь, 1998. — 240 с.
2. Бурштейн Е.Ф. Е. Е. Барбот де Марни и первая в России геологическая карта // Природа. 2009. № 2. — С. 90–96.
3. Герман Б.Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. — СПб., 1797–1801. Кн. 1–3.
4. Горные карты. Описание карт, планов и чертежей рудников и заводов архивного фонда академика И. Ф. Германа // Вестник АН СССР. 1932. № 1. — С. 51–58.
5. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка, перевод со шведского Э. Паландера. — СПб.: Изд-во АН, 1890. — 488 с.
6. Ламакин В.В. Первая геологическая съемка р. Ангары // Очерки по истории геологических знаний. 1953. Вып. 2. — С. 225–230.
7. Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. III. — СПб., 1871.
8. Материалы о горном деле в XVIII веке / бригада (Г. Князев, Л. Модзалевский, И. Трубицын) // Вестник АН СССР. 1931. № 7. — С. 47–48.
9. Мясников А. Заметки о Нерчинских заводах // Сибирские огни. — Новосибирск, 2006. № 11. — С. 122–129.
10. Мясников А. Господин Егор Егорович Барбот де Марни // Читинское обозрение. 2013. № 5–12.
11. Обручев В.А. История геологического исследования Сибири. Период первый — обнимающий XVII и XVIII века (Гмелин, Паллас, Георги). — М.: Изд-во АН

СССР, 1931. — 153 с.; Период V (1918–1940). Вып. VI. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. — 118 с.

12. Пресняков Е.А. О геологической съемке восемнадцатого века в Нерчинском округе // Геологический вестник. 1926–1927. Т. 5. № 4–5. — С. 60–62.
13. Раскин Н.М., Шафрановский И.И. Александр Матвеевич Карамышев. — Л.: Наука, 1975. 133 с.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 58. Оп. 3. Д. 336.
15. РГИА. Ф. 458. Оп. 5. Д. 452.
16. Савельев Н.Я. Геологическая съемка Иртыша в 1804 г. // Очерки по истории геол. знаний. 1956. Вып. 5. — С. 213–218.
17. Савельев Н.Я., Зайцев Н.С. Одна из первых геологических карт Алтая // Очерки по истории геол. знаний. 1959. Вып. 8. — С. 149–152.
18. Севергин В.М. О сибирском берилле или аквамарине. Новые ежемесячные сочинения. 1795. Ч. 106. (апрель). — С. 54–85.
19. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 27. Оп. 2. Д. 54, 55, 56, 57.
20. СПФ АРАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 70.
21. Татищев В.Н. Заводской устав // Горный журнал. 1831. Ч. I–IV.
22. Хабаков А.В. Очерки по истории геологоразведочных знаний в России (Материалы для истории геологии). — М.: Изд-во Московского о-ва испытателей природы, 1950. — Ч. 1. 212 с.
23. Юргенсон Г.А., Кононов О.А. Шерловая Гора: Месторождение самоцветов и редких металлов // Шерловая Гора: Минералогический альманах. — М.: Минералогический альманах. 2014. Т. 19. Вып. 2. — С. 19–24.
24. Barboth de Marny. Auszug aus seinem Schreiben an Herrn Herrmann (über die Gesteinsarten und Erze in Daurien) // Crell. Chemische Annalen. 1791. Bd. I. N 4. — S. 342–346.
25. Bindheim J.J. Über Mineralogische Nachrichten aus Daurien. // Neue Schriften der Gesellschaft naturforschender Freunde zu Berlin. 1795. Bd. I. — S. 177–182.
26. Charpentier J.F.W. Mineralogische Geobachtungen Lande. Leipzig: Bey S. Crusius. 1778. — 432 s.
27. Geneanet: [Электронный документ] (<http://gw.geneanet.org/rozanov?lang=en&p=george&n=barbot+de+marny>). Проверено 04.12.2014.
28. Hermann B.F. Beschreibung einiger Porphyrtarten aus Sibirien // Crell. Chemische Annalen. 1790. Bd. II. — S. 15–22.
29. Hermann B.F. Brief an D. Lorenz Crell (über verschiedene Schörlarten vom Nertschinskischen und Altaischen Erzgebirge) // Crell. Chemische Annalen. 1789. Bd. I. N 2. — S. 224–227.
30. Hermann B.F. Mineralogische Reisen in Sibirien. Bd. I. — S.-Pet., 1797. — S. 358–382.
31. Hermann B.F.J. Über den petrographischen Charakter und die Erzführung der Daurischen Gebirge. // Crell. Chemische Annalen. 1791, Bd. I. N 2. — S. 153–157; N 3. S. 239–243.
32. Hermann B.F. Über den sibirischen Beryll oder Aquamarin // Crell. Chemische Annalen. 1792. Bd. I. — S. 291–318.
33. Oldroyd D. The early development of Geological Maps: Comparison between Chinese and Western Cultures. 36th INHIGEO Meeting Japan, 2011. — 72 p.

Колбанцев Леонид Русланович — зам. директора ЦНИГРмузея. <Leonid.Kolbantsev@vsegei.ru>.